

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Ш25

Шарапов, Валерий Георгиевич.

Ш25 Родня до крови / Валерий Шарапов. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Советская милиция. Эпоха порядка).

ISBN 978-5-04-212741-0

Возвращаясь с работы, участковый услышал отчаянный женский крик. Он немедленно кинулся на помощь и увидел, что на земле лежит женщина, а в подворотню стремительно убегает мужчина. Догнать преступника милиционер не смог. Когда же он вернулся, то с изумлением обнаружил, что жертва исчезла... Следователь капитан Алексей Лобанов выяснил, что женщину звали Татьяна Рогачева, работала она в книжном магазине. А скрывшийся с места происшествия — ее брат Артем, который постоянно вымогал у сестры деньги. Капитан Лобанов готов был квалифицировать дело как обычную семейную разборку, но события неожиданно приняли серьезный оборот...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-212741-0

© Шарапов В., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Участковый отдел милиции № 24 по улице Комиссаржевской хоть и располагался в Центральном районе Воронежа, но в кругу правоохранительных органов считался объектом второй степени важности. Серьезных преступлений в историческом центре города никто не совершал, контингент, населяющий жилые массивы, сплошь относился к интеллигенции и опасений не внушал. Служить в двадцать четвертый участок попадали либо любители тепленьких мест, имеющие «мохнатую лапу», либо люди недостаточно амбициозные, чтобы мечтать о реальной работе. В кулуарах Главного управления внутренних дел даже поговорка ходила: «Сразу видно, из двадцать четвертого», подразумевая, что у человека, о котором идет речь, совершенно отсутствует желание своим трудом зарабатывать награды и звания.

В чем-то молва соответствовала действительности. Большая часть сотрудников двадцать чет-

вертого участка искала здесь тишины и покоя: служба идет, денежка капает, звания подходят своим чередом, а риск подвергнуться опасности минимальный. Не жизнь, а малина. Оттого и обстановка дружелюбная, куда пальцем ни ткни, не в друга попадешь, так в приятеля. Что ни день, то праздник. У кого-то сын родился, кому-то родичи дом в пригороде подарили, кто-то (великая роскошь!) автомобиль приобрел или очереди на покупку цветного телевизора дождался. Казалось бы, какое отношение имеют сотрудники участкового отдела № 24 к этим знаменательным событиям? Ровным счетом никакого!

И все же каждое событие в отделе было принято отмечать. Не попойки, нет! Скромные чаепития в обеденный перерыв, но с обязательной домашней выпечкой. С середины семидесятых просто поветрие пошло: всякая уважающая себя хозяйка непременно имела свой фирменный рецепт семейной выпечки. Угощая коллег или дальних родственников, такая хозяйка, скромно опустив глаза долу, как бы случайно проговаривалась, что рецепт достался ей от прапрапрабабушки и в семье он хранится, как Святой Грааль. Разумеется, о том, чтобы поделиться секретным рецептом, и речь не шла. Раскрыть секреты выпечки простецкого домашнего печенья, тесто которого прокручивали через мясорубку, отчего заготовки походили на клубок дождевых червей из банки зяблого рыболова, готова каждая

хозяйка. Но если речь заходит о «старинном семейном», то не обессудьте.

Этим утром участок № 24 заполнил аромат ванили. Старший лейтенант Цапкин проставлялся за грядущий отпуск, и его супруга напекла гору хрустящего хвороста. Приготовление с виду совсем простенького угощения в виде полосок тонко нарезанного теста, обжаренного в большом количестве подсолнечного масла, требовало большого умения. В Стране Советов хворост пекла каждая третья хозяйка, но мало у кого тесто выходило действительно слоистым, тонким и тающим во рту, а все потому, что у каждой из счастливиц имелся свой секретный ингредиент. стакан минеральной воды, пара ложек водки, двухчасовая выдержка в морозильной камере — так изобретательные хозяйки добивались уникальности рецептуры.

У жены Цапкина тоже имелся свой секретный ингредиент, и лакомство пришлось по душе всем сотрудникам участка. Обеденная порция, сметенная за пятнадцать минут, вдохновила жену Цапкина на повторение подвига, и к вечеру она напекла вторую партию угощения. Гордый Цапкин выставил алюминиевый таз на столике в проходной и активно потчевал коллег, немногочисленных в честь выходного дня, которые спешили по домам после тяжелого «трудового подвига».

— Прихватывайте, ребятки, — приговаривал Цапкин, теребя таз. Рот его расплывался в улыбке,

а пальцы проворно захватывали нежные пластины теста, чтобы вложить их в руки довольного коллеги. — Прихватывайте, не стесняйтесь. Валюшка мне строго-настрого наказала, чтобы таз пустой в дом вернулся.

— Спасибо, Григорий, — перехватывая хвост из рук Цапкина, благодарили коллеги. — Валентине особое почтение!

— Передам, ребятки, передам.

— Хорошего отпуска, Гриша, — желали сослуживцы. — Отдохни как следует. Валюшке привет!

— Передам, ребятки, передам.

— Жаль, что отпуск не каждый месяц, да, Цапкин? Вот бы мы пожировали с твоей выпечки.

— Разленились бы, Егор, растолстели, — засмеялся Цапкин. — Нет, отдых раз в год — самое то. Эй, Бибилов, а ты чего руки не подставляешь? Заворачивай сюда, я тебе побольше отсыплю. Ты ведь у нас холостой, плюшками баловать тебя некому.

Цапкин ухватил за рукав смущенного коллегу, подтащил его к тазу и заставил взять две полные пригоршни лакомства. При этом он сочувственным тоном пытался вразумить Бибилова, агитируя на то, чтобы он поскорее перешел в число «женатиков».

— Ты пойми, парень, без хорошей бабы мужик и не мужик вовсе, — наставлял он парня. — Ни пожрать вкусно, ни отдохнуть всласть, а тебе

уже двадцать два стукнуло. Пора бы и за ум взяться. Найди себе девушку, женись, нарожай детей и живи счастливо. Это я тебе как друг советую.

— Да знаю я, Гриша, все знаю. Только что ж тут поделаешь, если девушки меня не любят? Простой участковый восторга у дам не вызывает, — улыбаясь, отвечал Бибилов, и было непонятно, шутит он или говорит серьезно. — Вот тебе повезло, твоя Валентина по всем параметрам идеальная жена для милиционера. Только где же такую Валентину взять?

— Это ты верно подметил, Лень. Моя Валюшка всех баб в Воронеже за пояс заткнет. — Цапкин расплылся в улыбке, довольный похвалой. — А может, и не только в Воронеже, а и в Москве.

— Ты все еще мечтаешь о переезде? — Бибилов воспользовался возможностью уйти от разговора о холостяцкой жизни. — Неужели в Воронеже так плохо?

— Дело не в том, что в Воронеже плохо. Дело в том, что в Москве лучше, — заявил Цапкин и рассмеялся. — Здорово сказал, правда?

— Сказано сильно, — похвалил Бибилов. — Ладно, Гриша, мне пора. Опоздаю на трамвай, придется пешком чалить.

— Почему бы не пройтись? Погода сегодня шикарная, почти до нуля поднялась.

— К вечеру обещали до минус десяти, — объявил Бибилов. — Пошел я, домой охота.

— Ну иди, иди. — Цапкин похлопал товарища по плечу и проводил взглядом до дверей.

Выйдя из здания, Бибиков немного постоял, размышляя, стоит ли последовать совету друга и прогуляться пешком или лучше сэкономить время и проехать на трамвае. Он знал, что в воскресенье запросто можно простоять на остановке и полчаса, и час, пока дождешься трамвая, получив в итоге вместо экономии потерю времени. Но дежурство выдалось утомительное. С восьми утра пришлось топтать ноги, удовлетворяя жалобы капризных дам и впадающих в маразм бабулек, которые сегодня, как нарочно, звонили с жалобами одна за другой, и долгая прогулка до перекрестка улиц Никитинской и Плехановской его не вдохновляла.

— Чего застыл, Леня? Погнали домой, завтра всех на планерку вызвали, так что не отоспишься.

Бибиков оглянулся, увидел позади двух сослуживцев: помощника дознавателя и старшину из патрульно-постовой бригады. Оба неженатые, они занимали одну комнату в служебном общежитии и частенько ходили домой пешком, а так как путь к дому Бибикова проходил мимо общаги, то друзья прихватывали с собой и его. Но сегодня болтать о футболе, о чванливом начальнике или о сердечных победах Бибикову совсем не хотелось, поэтому вариант с трамваем победил.

— Я на трамвае, — сообщил Бибииков приятелям и зашагал в сторону Кольцовской улицы, по которой ходил трамвай.

— Зря отказываешься, Леня, — прокричали вслед приятели. — Мы до сосисочной пойдем, там сегодня баба Маша дежурит, обещала нам сухпак оставить и сосиски с вермишелью. Пойдем, Леня, на сутки едой запасемся.

Баба Маша вот уже полгода подкармливала весь двадцать четвертый участок пусть и столовскими, но весьма удобоваримыми, а главное, готовыми блюдами. После того как ребята из участка сделали «вразумление» ее непутевому внуку и тот взялся за ум и даже нашел работу, баба Маша взяла шефство над неженатым контингентом отдела, подкармливая парней продуктами из столовой.

— Можете забрать мою порцию. — Бибииков махнул рукой в знак прощания.

Двигался он быстро, но мысли бежали еще быстрее. В мыслях и поступках Бибииков всегда старался быть честным с собой, поэтому слова Цапкина задели за живое. Хотел ли он обзавестись крепкой большой семьей? Несомненно! Но перед тем как связывать себя узами брака, которые налагают на мужчину определенные обязательства, он мечтал сделать в жизни что-то стоящее, что-то по-настоящему значимое для общества. Отец его умер рано, не успев вложить в душу сына какие-то моральные ценности, но с этой задачей с успехом

справилась его бабушка. С малых лет она твердила внуку: советский человек должен оставить след в истории, выполнить свою миссию, внести вклад в строительство коммунизма. Это — обязательное условие для мужчины, который хочет, чтобы его уважали в коллективе, чтобы им гордились родители, чтобы дети брали с него пример. А уж каким способом и на каком поприще мужчина этого добьется — выбор за ним.

Вот почему так вышло, что в милицию Бибииков пошел не за красивой жизнью, не за званиями и наградами, просто он посчитал, что именно здесь он сумеет выполнить свою миссию быстрее всего. А как иначе? Милиция всегда на передовой, охраняет покой горожан, не дает разбушеваться преступности. Разве служение людям само по себе не подвиг? Оказалось, что нет. В двадцать четвертый участок Бибииков пришел сразу после демобилизации из рядов Советской армии, прослужил здесь почти два года, но пока и намека не было на то, что он привнес какой-то значимый вклад в строительство коммунизма.

Все, чем он занимался в отделе, можно было описать одним емким словом — рутина. Мелкие кражи, которые и кражами назвать трудно, хулиганство, скорее похожее на выходки подростков, семейные склоки и скандалы. Разве об этом он мечтал, вступая в ряды советской милиции? Нет и еще раз нет! И теперь, по прошествии двух лет

службы, он начинал сомневаться, правильный ли сделал выбор, его ли это место и не ошибся ли он с выбором профессии. Такие мысли не способствовали поднятию настроения, мешали наслаждаться жизнью и замечать то прекрасное, что раньше доставляло удовольствие: похвала коллег, легкие беседы с друзьями, чудесная погода...

Погода и правда стояла на удивление приятная: легкий морозец пощипывал кожу, редкие снежинки парили в воздухе, не потревоженные ветром, ложились на землю. Деревья словно белым покрывалом укрыло, оно искрилось под тусклым светом уличных фонарей и делало все вокруг загадочным, сказочно красивым и умиротворяющим. Бибиков шагал и уже жалел о своем решении отказаться от прогулки в компании двух весельчаков. Тревожные мысли лишь усугубляли плохое настроение, и теперь ему хотелось общения. Еще больше хотелось Леониду Бибикову вкусных сосисок от бабы Маши, повара, а по совместительству сторожа общественной столовой.

Он прошел лишь треть пути, еще не поздно было сменить направление и попытаться догнать друзей. Он взглянул на часы, стрелки показывали десять минут восьмого. «К черту хандру! Ребята наверняка не успели и половины пути пройти, могу срезать путь и перехватить их прямо у столовой», — подумал Бибиков. Мысль эта показалась Бибикову настолько здоровой, что, дойдя до пере-

сечения с улицей Никитинской, он не колеблясь свернул и пошел параллельно проспекту Революции, на котором располагался Театр драмы, а недалеко от него и заведение общепита, в котором работала баба Маша. Он шел и представлял себе, как удивятся его приятели, как при виде большой компании радостно заблестят глаза бабы Маши, как приятно защекочет ноздри запах ароматной снеди. Он дошел до Никитинского сквера, направляясь к перекрестку, с которого напрямую по Карла Маркса мог попасть к Театру драмы. Легкая улыбка блуждала по его лицу, когда в уши ворвался пронзительный крик. От неожиданности Бибииков остановился так резко, как будто налетел на препятствие.

— Что за черт? — произнес он вслух. Естественно, ему никто не ответил, и он прислушался, пытаясь понять, был ли крик реальным или это мозг сыграл с ним злую шутку. С полминуты он стоял на месте, слушая тишину, затем тряхнул головой. — Ерунда какая-то. Видно, от усталости.

Собственный голос, прозвучавший в вечерней тишине, успокоил, и Леонид двинулся дальше. Но не успел он пройти и двадцати шагов, как крик повторился. На этот раз не такой пронзительный, но ясно различимый. Сомнения Бибиикова испарились: кричала женщина, и ей явно нужна была помощь. Сориентировавшись на звук, Леонид бросился вперед, добежал до перекрестка и оста-

новился, соображая, куда двигаться дальше. Крик снова повторился, он раздавался с противоположной стороны улицы и теперь скорее был похож на стон. Страх опоздать заставил Бибикова двигаться быстрее.

Он пересек улицу, добежал до дома-музея Никитина и снова остановился. Куда дальше? Крик не повторялся, а бегать наугад можно было до бесконечности. Полагаясь скорее на интуицию, чем на здравый смысл, Бибиков снова пересек улицу и собирался свернуть в ближайший двор, когда боковым зрением уловил какое-то движение чуть дальше по дороге. Он резко развернулся и увидел то, ради чего оказался на этой улице: возле здания, стоявшего чуть в глубине, на земле лежала женщина, а над ней склонился мужчина.

— Эй, что происходит? — выкрикнул Бибиков и рванулся вперед.

Мужчина оглянулся, подскочил и бросился бежать. Только тогда Леонид сообразил, что он и есть нападавший.

— Стой, ни с места! — закричал он, испытывая запоздалую досаду. — Стой, стрелять буду!

Полминуты Бибиков потратил на то, чтобы решить, бежать ли за мужчиной или поспешить на помощь женщине, затем бросился в проулок, в котором скрылся беглец. Он успел увидеть, как тот проскочил в узкий проход между домами, пытаясь скрыться от преследования, и понял, что тот

бежит к парковой зоне. Этот район Бибиков знал как свои пять пальцев, поэтому не последовал тем же путем, что и беглец, а бросился к соседнему дому, чтобы срезать угол. Он выскочил к парку как раз в тот момент, когда беглец поравнялся с первым рядом деревьев.

— Стой, паршивец, тебе не уйти! — снова крикнул Бибиков и бросился наперерез. Еще один рывок, и беглец будет в его руках! И тут его форменный ботинок скользнул по ледяной корке, Леонид потерял равновесие и полетел вниз. Удар пришелся на затылочную часть, в глазах потемнело, и он потерял сознание.

Очнулся Бибиков довольно быстро, потрогал ушибленный затылок, взглянул на ладонь — крови не было. Он попытался подняться. Каждое движение отдавалось болью в затылке, но он заставил себя встать. Продолжать преследование не было смысла, поэтому он пошел обратно, к дому, где на земле осталась женщина. «Надо было отпустить его, — размышлял Бибиков. — После сумели бы найти, а вот помощь женщине может теперь и не понадобиться. Если этот недочеловек ранил ее, она могла истечь кровью или умереть от болевого шока. Нет, преследовать преступника было неверным решением».

Леонид вышел на Никитинскую улицу, прошел вперед и остановился. У дома, где совсем недавно лежала женщина, никого не было. «Странно,

я точно видел то, что видел, — мысленно произнес Бибиков. — Возможно, преступник еще не успел ничего сделать и, когда я его спугнул, женщина убежала?» Он перешел на противоположную сторону улицы и осмотрелся. Нет, он не ошибся, все произошло именно здесь. Снег перед витриной книжного магазина оказался примят. Ближайший фонарь располагался в отдалении от места происшествия, освещение не давало возможности рассмотреть все тщательно, и все же участковый нашел следы крови на снегу. Не очень много, но все же...

— Она не могла уйти сама, — как всегда в минуты волнения, Бибиков заговорил вслух. — А «Скорая» не могла приехать так быстро.

Он поднял левую руку, посмотрел на циферблат наручных часов. Судя по часам, с того момента, как он принял решение сменить маршрут, прошло всего семь минут. Сколько-то времени заняли поиски кричавшей женщины, затем погоня, а уж потом потеря сознания. Выходило, что в отключке он был пару минут, не больше. За это время машина «Скорой помощи» физически не могла приехать, забрать женщину и уехать. К тому же в вечерней тишине он просто не мог не услышать звуки, которые обычно издает машина «Скорой». Но тогда вопрос остается открытым: куда делась жертва и что теперь делать ему, участковому уполномоченному?

— Чертовщина какая-то, — раздосадованно проговорил он. — Преступление есть, а жертвы нет. И преступника упустил. Что дальше?

Вопрос и правда сложный: понадеяться, что все обошлось и женщина в безопасности, и уйти или вызвать опергруппу, не имея ни трупа, ни жертвы преступления?

— И как ты будешь выглядеть в глазах коллег, когда окажется, что никакого преступления не произошло? — Бибиков хмуро смотрел на землю, а время шло. — Тебя же засмеют в отделе!

В этом участковый не сомневался, подначкам в его адрес конца не будет, если окажется, что он понапрасну потревожил дежурную бригаду. Только как уйти, когда все в тебе восстает против подобного решения? Как жить день за днем, зная, что пренебрег служебным долгом из-за опасения насмешек?

— Плевать, пусть смеются. Главное, что мне не придется договариваться с совестью, — приняв окончательное решение, вслух произнес Бибиков и огляделся.

Чуть поодаль, напротив дома-музея он увидел будку телефона-автомата и решительно направился к ней. Пошарив по карманам, нашел двухкопеечную монету, вставил в прорезь, снял с рычага трубку и набрал номер телефона родного отдела. Спустя полминуты в трубке зазвучал голос дежурного по части.

— Привет, Димыч, это Бибиков, — представился он. — Кто сегодня из оперов дежурит?

— Капитан Лобанов, — ответил дежурный. — У тебя к нему дело?

«Проклятье! Лобанов, — пронеслось в голове Леонида. — Теперь одними насмешками не обойтись. Этот весь мозг вынесет».

— Чего молчишь? — прервал затянувшуюся паузу дежурный. — Позвать Лобанова или нет?

— Нет, — Бибиков принял решение. — Запиши вызов: улица Никитинская, пересечение с Карла Маркса, совершено нападение на женщину. Пусть выезжают, я здесь жду.

— Нападение? Ты серьезно? — с сомнением спросил дежурный. — Это не шутка, Бибиков?

— Я когда-нибудь так шутил, Димыч? Высылай опергруппу, — повторил Бибиков и бросил трубку.

Опергруппа прибыла на место через восемь минут. Дежурный «уазик» отдела свернул на Никитинскую и припарковался у дома-музея. Из машины вышел капитан Лобанов, за ним следом семенил Валентин, стажер, приписанный к отделу пару недель назад. Бибиков не успел запомнить его фамилию, но сейчас это было неважно. Помахав Лобанову рукой, участковый пошел навстречу оперативнику.

— Привет, Леонид. Вижу, домой ты не спешишь, — поприветствовал Лобанов.

— Здравия желаю, товарищ капитан, — официально поздоровался Бибиков, хоть и виделся с капитаном буквально двадцать минут назад.

— Ну, показывай, что тут у тебя? — Лобанов пробежал глазами по периметру. — Где жертва нападения? Она в сознании или того...

— Тут такое дело, товарищ капитан, — замялся Бибиков, не зная, с чего начать.

— Начинается, — растягивая гласные, произнес Лобанов. — Когда история начинается со слов «тут такое дело», ничего хорошего не жди. Верно, Леонид?

— Так точно, товарищ капитан, — не стал спорить Бибиков.

— Хорошо, что ты это понимаешь. — Лобанов усмехнулся. — Итак, судя по твоей реплике, трупа у тебя нет.

— Так точно, нет трупа, — послушно повторил Бибиков.

— И жертвы нападения тоже нет, — продолжил Лобанов.

— Не совсем так. Жертва есть, но ее как бы и нет.

Бибиков пытался справиться с охватившей его робостью перед капитаном. В отделе Лобанов работал примерно три месяца. Он перевелся в двадцать четвертый, переехав из Москвы, где проработал больше пяти лет. Никто в отделе не знал точной причины, по которой капитан кар-

динально изменил свою жизнь, перебравшись из столицы в провинциальный город, сменив шикарную карьеру столичного следователя на должность рядового оперативного сотрудника. Кто-то говорил, что Лобанова понизили за нарушение субординации, кто-то верил, что в Воронеж его сослали, чтобы избежать громкого скандала. Еще говорили, что из Москвы его убрали, чтобы уберечь от мести коронованных воров, которым Лобанов перешел дорогу. В общем, болтали всякое, но что именно являлось правдой, не знал никто.

Сам Лобанов умело уходил от вопросов о своем прошлом, не подтверждая, но и не опровергая ни одну из версий. В отделе он не высывался, работал добросовестно, но тихо, не привлекая внимания. Друзьями не обзавелся, о личной жизни не распространялся и вообще считался темной лошадкой. Одно коллеги из двадцать четвертого уяснили с первых дней — бездельникам и подхалимам лучше держаться от Лобанова подальше. Его острый язык не единожды выставлял на посмешище тех, кто пытался выслужиться, приписав себе чужие заслуги или намеренно завысив сложность проводимого расследования. Именно по этой причине участковый уполномоченный Леонид Бибилов так расстроился, когда узнал, что о своей несуществующей жертве ему придется докладывать капитану Лобанову.

— Я жду продолжения, Леонид, — поторопил Лобанов.

— Я возвращался домой и услышал крик, — скороговоркой начал Бибиков. — Прибежав на крик, я увидел следующее: у дома по улице Никитинской лежала женщина, над ней склонился мужчина. Я окликнул его, он вскочил и побежал. Я принял решение начать преследование, в подворотне попал на лед, не удержался и упал. От удара о землю потерял сознание. Когда пришел в себя, беглец уже сбежал. Я вернулся на Никитинскую и обнаружил, что женщина исчезла.

— И в чем проблема? Преступника ты упустил, жертва благополучно избежала насилия. Твоя миссия выполнена, можешь идти домой.

— Но ведь преступник ушел, — растерянно повторил Бибиков. — Мы не можем вот так взять и уйти.

— Почему не можем? — Лобанов снова усмехнулся и повернулся к стажеру. — В машину, стажер, концерт окончен.

— Товарищ капитан, подождите. Здесь совершено преступление, я в этом уверен. — Бибиков попытался остановить капитана.

— Расслабься, Леонид, здесь тебе ничего не светит, — взгляд Лобанова посуровел. — Радуйся, что я не привлекаю тебя к ответственности за ложный вызов.

Он развернулся и зашагал к машине. Бибиков стоял и не знал, что еще предпринять, но он понимал, что не может отпустить Лобано-

ва. «Думай, Леня, думай. Если он сейчас уйдет, ты уже никогда не узнаешь, что здесь произошло, — убеждал он себя. — Решайся: пан или пропал».

— На тротуаре следы крови, — в отчаянной попытке привлечь внимание капитана выкрикнул Бибииков. — На преследование, включая то время, что я провел в отключке, ушло не больше трех-четырех минут. «Скорая» не могла ее забрать, и сама она не могла уйти. Так куда она делась? Она была без сознания, расслабленная поза говорила сама за себя. Если она и пришла в сознание, то не смогла бы далеко уйти. Но и в этом случае кровавый след показал бы, в каком направлении она ушла. Следа нет! Кровь есть, а кровавого следа нет. Да остановитесь же вы, речь идет о молодой женщине, которая, быть может, еще жива и истекает кровью! Человек вы или кто?

Лобанов почти дошел до машины, когда с губ Бибиикова сорвалась последняя фраза. Он остановился и какое-то время стоял спиной к участковому, затем чертыхнулся, развернулся и пошел назад. По его лицу невозможно было понять, сердится он или нет. Леонид отступил на шаг, ожидая отповеди, но ее не последовало. Вместо этого Лобанов ворчливо произнес:

— Ладно, блюститель нравственности, показывай, где видел кровь.